

ДР. АЛЕСЬ СМОЛЕНЧУК

Гродненский гос. университет имени Я. Купалы

ПОПЫТКИ ВВЕДЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В МИНСКОЙ И ВИЛЕНСКОЙ ДИОЦЕЗИЯХ* 60–70-е гг. XIX в.

После восстания 1863–1864 гг. католический костёл стал одним из главных объектов репрессивной политики российского правительства. В рамках провозглашённой политики „располячения“ костёла, приоритетным направлением в Виленской и Минской диоцезиях стали попытки введения в католическое богослужение русского языка. Уже Особая комиссия по делам римско-католического духовенства, созданная в январе 1866 г. при виленском генерал-губернаторе (т.н. „комиссия Алексея Стороженки“), занималась рассмотрением вопроса о замене польского языка в дополнительном католическом богослужении на русский. К единому мнению члены комиссии так и не пришли. Сторонники реформы утверждали, что польский язык в костёле остаётся мощным средством полонизации: „Это полонизация, пережившая Польшу, это её невидимые границы 1772 г.“¹ Противники видели в замене языка фактическое уравнивание католицизма в правах с православием. Они высказывали опасение, что католицизм на русском языке таит опасность для всей России. Прозвучало также мнение о возможной замене польского языка латинским с последующим введением „белорусского наречия“². В дальнейшем власти ещё не раз будут делать подобные заявления, хотя обычно белорусский язык

* В 1869 г. российские власти ликвидировали Минскую диоцезию. Её приходы были присоединены к Виленской. Хотя с точки зрения канонического права Минская диоцезия продолжала существовать, но собственной административной структуры она не имела. В 1883 г. приходы Минской губ. были переданы под юрисдикцию Могилёвского архиепископа.

¹ Литовский Государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 378 о/о, 1866, д. 2279, с. 45.

² ЛГИА. Ф. 378 о/о, 1866, д. 2279, с. 47 об.

будет рассматриваться только как прикрытие фактического введения русского.

Споры в комиссии отражали отсутствие единого мнения по этому вопросу в российском обществе. В 60-х гг. XIX в. на страницах периодических изданий происходила оживлённая дискуссия, активными участниками которой были известный писатель и публицист Иван Аксаков, редактор «Московских ведомостей» Михаил Катков и попечители Виленского учебного округа Иван Корнилов (1864–1868) и Помпей Батюшков (1868–1869)*. Следует также обратить внимание на позицию петербургской газеты «Новое время», редактором которой был Адам Киркор. Газета неоднократно напоминала, что «Высочайшие распоряжения» 1832 и 1852 гг. разрешали пользоваться родным языком при молитвах за правящую династию и в народных поучениях. Авторы обращали внимание на возможность перехода на «белорусское и малорусское наречия, потому что они местные и на них разговаривает большинство населения Западного края»³. Одновременно газета защищала право литовцев иметь богослужение на литовском языке⁴. Однако подобная позиция была исключением в общем хоре мнений русской общественности.

В декабре 1869 г. Александр II приказал создать Комиссию для разработки порядка введения русского языка в костёл. (Как утверждал исследователь начала XX в. Д. Чихачёв, император одобрил саму идею ещё в 1867 г.⁵). Мнения членов комиссии разделились, но в итоговом документе было рекомендовано отменить запрещение 1848 г. на использование русского языка в католическом богослужении⁶. Император согласился с предложением. Указ от 25 декабря 1869 г. разрешал использование русского языка.

Характерной чертой попыток введения русского языка в 60–70-х гг. XIX в. было стремление властей использовать католическое духовенство. Следует признать, что это стремление нашло определённую поддержку. В первую очередь нужно назвать имя администратора Виленской диоцезии Петра Жилинского, который занял эту должность в 1863 г. после высылки в Вятку епископа Адама Красинского. В 1869 г. во время аудиенции у Александра II администратор заявил, что

* Более подробно обсуждение в «Комиссии Стороженко» и ход дискуссии освещены в статье Д. Сталюнаса „Kalba ar konfesija? (Sumanymas įvesti rusų kalbą vakarų krašto pridėtinėse katalikiškose pamaldose)“, *Lietuvos istorijos metraštis. 1999 metai*, Vilnius, 2000.

³ Новое время, 1868, № 250.

⁴ Новое время, 1869, № 73.

⁵ Д. Чихачёв, *К вопросу о распоряжении костёла в прошлом и настоящем*, Санкт-Петербург, 1913, с. 14.

⁶ Д. Чихачёв, *К вопросу о распоряжении...*, с. 14.

является настоящим патриотом России и готов всем пожертвовать во имя Отечества и царя⁷. Как отмечал Зыгмунт Нагродски, виленская капитула поддержала это заявление. Кроме того было организовано отправление в столицу т.н. „адресов“ на имя императора, в которых многочисленные представители духовенства (49 подписей) выступали с резким осуждением таких „богопротивных“ дел, как восстание⁸.

Ближайшими помощниками П.Жилинского были ректор Виленской католической семинарии Эдвард Тупальский, которого польская общественность подозревала в связях с полицией ещё во время восстания, и прелат Антони Немекша. Последний в 1863 г. был настоятелем костёла св. Яна в Вильне и по свидетельству З.Нагродского, неоднократно встречался с графом М.Муравьёвым. Но особенно заметную роль в попытках введения русского языка в дополнительное католическое богослужение сыграл ксёндз Фердинанд Сенчиковский.

Именно он, как отметил П.Батюшков, прочитал первую проповедь на русском языке*. Произошло это в мае 1869 г. в Минске⁹. Следующую русскоязычную проповедь в Игуменском костёле 27 июля 1869 г. ксёндз закончил словами: „Господь <...> просвети разум белорусов, детей нашего Русского Отечества, дай им силу ... доказать на деле, что в груди их бьётся русское сердце“¹⁰.

20 августа 1869 г. в письме к виленскому генерал-губернатору А.Потапову П.Батюшков особшил, что учитель Закона Божьего Блонского народного училища (Игуменский пов.) „ксёндз Ф.Сенчиковский уже более двух месяцев в своём приходе во всех молитвах и при исполнении обрядов употребляет вместо польского русский язык“¹¹. В этом же месяце Ф.Сенчиковский был назначен настоятелем Блонского костёла.

Фердинанд Сенчиковский обратил на себя внимание российских властей в первую очередь своими многочисленными обращениями по вопросу «располячения» костёла. В 1870–1871 гг. он направил в Мини-

⁷ Z. Nagrodzki, *Rola duchowieństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenie Litwy i Białej Rusi. (1863–1883)*. Wilno, 1935, s. 35–36.

⁸ Там же, s. 39.

* Д.Чихачёв утверждал, что первым использовал русский язык в молитве за царя настоятель костёла Бобруйской крепости Макаревич ещё в 1862 г. (Д.Чихачёв, *К вопросу о располячении...*, с. 14).

⁹ Российская Национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей (ОР). Ф. 52, д. 58, с. 6.

¹⁰ РНБ. ОР. Ф. 52, д. 55, с. 10 об.

¹¹ Цыг. па: В. Григорьева, „Из истории располячения костёла в Белорусских губ. (Взгляд на проблему через деятельность каноника Ф.Сенчиковского)“, *Наши радавод*, кн. 4 (частка 3), Гродна, 1992, с. 676.

стерство внутренних дел (МВД) ряд писем-доносов на ксендзов. В 1871 г. Ф.Сенчиковский посетил МВД и Департамент иностранных вероисповеданий и вручил их руководителям т.н. Записки. Эти материалы раскрывают мотивы его деятельности. В Записке на имя директора Департамента Эммануила Сиверса ксёндз утверждал, что воспринимает „русское дело“ как своё родное и именно потому стремиться очистить католицизм от „польско-иезуитской окраски“. Вместе с уничтожением польского языка, по его мнению, «произождёт наше слияние в единое Великорусское государство, и только тогда наш край навсегда будет потерян для Польши»¹².

Приложение к этой Записке представляло собой настоящий донос на своих коллег. Оно было переполнено многочисленными обвинениями по адресу духовенства в противодействии „русскому делу“ и предлагало закрытие всех монастырей и, в первую очередь, в Несвиже¹³. Ф.Сенчиковский также утверждал, что с „располячением католицизма не только Польша, но и власть Папы теряет свою деспотическую силу над русскими католиками и в религиозном смысле приобретает совсем иной вид и значение“. Таким образом, в своих обращениях к светским властям Ф.Сенчиковский выступал как сторонник „русского дела“ и поборник того, чтобы католицизм перестал быть „врагом православия, власти и России“.

Абсолютна иная мотивация присутствовала в обращениях Ф.Сенчиковского к духовным властям. Д.Чихачёв в своей книге процитировал фрагмент недописанного письма Ф.Сенчиковского Папе римскому. В этом тексте главное внимание отводилось интересам католицизма. Ксёндз не без оснований утверждал, что белорусы не владеют польским языком и по причине его доминирования в дополнительном богослужении не могут приобщиться к ценностям католической веры: „Не только я, но и многочисленные рассудительные ксендзы, руководимые исключительно стремлением к славе Божьей и славе римско-католической церкви <...> стремятся навсегда покончить с тем несчастьем, которое заключается в непонимании тёмным нашим белорусским народом нашей святой римско-католической религии“ и т.д.¹⁴

Эти слова не соответствовали действительным намерениям ксендза. Этот „уроженец Беларуси“, как он сам называл себя, не мог не знать, что русский язык для белорусов в тот период был не менее чужим, чем польский. Если бы Ф.Сенчиковского действительно

¹² РНБ. ОР. Ф. 377, д. 1095, с. 11-11 об.

¹³ РНБ. ОР, ф. 377, д. 1095, с. 9-9 об.

¹⁴ Д.Чихачёв, *К вопросу о располячении...*, с. 26.

волновало непонимание народом „истин католической веры“, то он должен был бы выступать за введение белорусского языка. Тем более, что подобные попытки уже имели место. Например, в 1866 г. группа ксендзов на Могилёвщине и Витебщине предлагала осуществить перевод ряда религиозных текстов на белорусский язык¹⁵. В научной литературе также есть информация об использовании белорусского языка в двух приходах Могилёвской губ. (Фащовка и Ула), где когда-то находились иезуитские костёлы. Эти случаи были только эпизодами языково-конфессиональной ситуации того времени. Однако заслуживает внимания то, что перспектива белорусскоязычного костёла пугала власти и православную церковь. Так, архиепископ Минский 28 февраля 1866 г. направил обер-прокурору Синода графу Д.Толстому письмо, в котором высказывал опасение относительно возможности перевода богослужения в костёлах на белорусский язык. При этом он вспомнил о иезуитах, которые после своего появления на белорусских землях изучали „простонародный язык и с его помощью искушали православных“¹⁶.

О том, что причины русификаторской деятельности Ф.Сенчиковского нужно искать в политической сфере свидетельствуют также его письма конца XIX– начала XX в. публицисту А.Жиркевичу. „Введением русского языка, – писал Ф.Сенчиковский, – я стремился сделать такую унию с православием, которая некогда была с католицизмом. После этого само собой произошло бы слияние русских по народности и по унии белорусов с православием и Россией“. И далее: „Я защищал истину и стремился оторвать около 2 миллионов русского народа от влияния врагов России“¹⁷.

14 февраля 1870 г. Ф.Сенчиковский был назначен капеланом Минской губ. Во время объезда губернии для исповеди и причастия военнослужащих он широко пользовался русским языком. Один из первых конфликтов произошёл в Борисове. Местный настоятель не впустил его в костёл. В результате настоятеля отправили в монастырь, а Ф.Сенчиковский занял его место. Но его деятельность не ограничилась только Борисовом. В Минске он основал Школу органистов, где учили петь псалмы и песни на русском языке.

В июне 1870 г. началась рассылка по приходам письменных обязательств о подписке на русскоязычный ритуал. В тексте, который должен был подписать ксендз, содержалось обещание: „Наш природный русский язык буду постоянно использовать в богослужении и тем

¹⁵ *Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.)*., с. 88.

¹⁶ РНБ. ОР, ф. 523, д. 71, с. 1.

¹⁷ РНБ. ОР, ф. 284, д. 48, с. 14, 15.

самым продолжать дело, которое начал ксёндз Сенчиковский¹⁸ и т.д. Автором текста был сам вышеупомянутый ксёндз. 147 ксендзов Виленской диоцезии, по свидетельству З.Нагродского, подписали тексты таких обязательств, но протестовали верующие¹⁹.

Имея поддержку государственных структур, Ф.Сенчиковский продолжал свою деятельность. Наибольшего успеха он добился в Минской губ. В начале 70-х г. XIX в. русский язык звучал в 32²⁰, а по другим сведениям в 38²¹ костёлах губ. (Всего в губернии было 52 костёла.) Иногда вместо русского языка использовался белорусский. На это обратил внимание сам Ф.Сенчиковский, который в это время уже являлся минским деканом. Присутствие белорусского языка его не особенно волновало. Ксёндз-декан воспринимал белорусский язык только как диалект русского.

Однако русификация костёла начала встречать всё более сильное сопротивление верующих и католического духовенства. В марте 1870 г. виленский декан настоятель костёла св. Рафала ксёндз Станислав Пиотрович уничтожил переданные ему для рассылки русскоязычные ритуалы. Последний экземпляр он продемонстрировал верующим во время богослужения, назвав его „топором, который подрубает корни нашей веры“²². После этого ритуал был публично сожжён.

Во время этой процедуры ксёндз провозгласил проклятие тому, кто согласится на русификацию католического богослужения²³. Это пиротехническое действие вместе с проклятьем произвели сильное впечатление. Одновременно виленский декан распространил послания к верующим, в которых осудил деятельность администратора Виленской диоцезии и его помощников. Ксёндз С.Пиотрович призвал не принимать ни русского языка, ни других изменений в обрядах, чего добиваются российские власти и „созданная Муравьёвым капитула“²⁴. Он был выслан в Архангельскую губ., но сопротивление распространению русскоязычных ритуалов начал оказывать каноник Виленской капитулы кс. К.Маевский. На Могилёвщине тоже самое делал настоятель Бельничского костёла Годлевский²⁵.

¹⁸ Z. Nagrodzki, *Rola duchowienstwa...*, s. 52.

¹⁹ Там же, s. 50.

²⁰ *Konfесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.)...*, с. 90.

²¹ Д. Чихачёв, *К вопросу о располячении...*, с. 15.

²² T. Ostojа, *Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosyi*, Warszawa, 1916, s. 49–50.

²³ J. Przybyszewski, *Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie*, Lwów, 1897, s. 46.

²⁴ T. Ostojа, *Garść wspomnień...*, s. 45.

²⁵ РНБ. ОР. Ф. 377, д. 1095, с. 8.

Распространялись также своего рода инструкции, которые подсказывали аргументацию отказа от ритуалов. Главное место занимала позиция Ватикана, а точнее то, что Папа римский не разрешал использовать русский язык в текстах ритуала²⁶.

Против принудительного перевода богослужения на русский язык протестовала газета „Новое время“. Её авторы подчёркивали, что принуждение является нарушением Указа от 25 декабря 1869 г., который предусматривал только добровольное введение русского языка²⁷.

Имели место случаи открытого сопротивления верующих. Это происходило, в частности, в Борисове, где службу вёл сам Ф.Сенчиковский. 27 июня 1870 г. борисовский исправник отметил в рапорте конфликт в местном костёле: „Когда Сенчиковский вышел из костёла, толпа окружила его и начала кричать: „Что ты за ксёндз, сволочь, москаль ты, перекинулся! Нам такой ксёндз не нужен!“ и т.д.²⁸ Католики Узденского прихода на Минщине вообще перестали посещать костёл, в котором зазвучал русский язык. Ксёндз Кушелевский жаловался декану, что даже перед главными праздниками прихожане не исповедуются²⁹. Настоятель Свенцянского костёла ксёндз Каминский был избит прихожанами после русскоязычного богослужения³⁰. Его судьбу разделил ксёндз Борщ в Новогрудке³¹. В Блони неизвестные избили ксёндза Олехновича³² и т.д. В ответ власти обычно закрывали костёлы.

А Ф.Сенчиковский продолжал свою деятельность. В письме от 27 июля 1874 г. директору Департамента иностранных вероисповеданий он жаловался на недостаток ксёндзов, которые были бы подготовлены к переменам. Ксёндз предлагал реорганизацию системы подготовки католического духовенства. Он настаивал на необходимости „устройства на чисто русских принципах“ католических семинарий и Духовной академии. Обязательным требованием при приёме в духовные учебные заведения минский декан считал подписку абитуриента о том, что будет вести дополнительное богослужение на русском языке, и обязательную присягу на верность правительству³³.

²⁶ ЛГИА. Ф. 378 о/о, 1871, д. 189, с. 19–20 об.

²⁷ *Новое время*, 1870, № 124.

²⁸ НГАБ у Менску. Ф. 295, воп. 1, ад.з. 2189, а. 1 адв.-2.

²⁹ Z. Na grodzki, *Rola duchowienstwa...*, s. 59.

³⁰ Там же, с. 61.

³¹ Д. Чихачёв, *К вопросу о распоячении...*, с. 33.

³² Там же.

³³ РНБ. ОР, ф. 52, д. 61.

В июле 1876 г. Ф.Сенчиковский был назначен на должность визитатора костёлов Минской губернии. Эта должность вводилась специально для него. Он сразу же обратился с циркуляром к католическому духовенству губернии. Указ Александра II от 25 декабря 1869 г. визитатор трактовал как распоряжение об обязательном введении русского языка. В циркуляре подчёркивалось, что «в Минской губ. проживает белорусский народ, природным языком которого является русский язык», что поляки составляют незначительное меньшинство населения, и что только в результате «неблагоприятных исторических условий, некоторая часть простого народа усвоила польский язык»³⁴.

Визитатор Ф.Сенчиковский посещал костёлы губернии и требовал проведения дополнительного богослужения на русском языке. Если местный настоятель соглашался, то костёл попадал в категорию тех, где дополнительное богослужение велось по-русски. Возвратиться потом к польскому языку было уже невозможно. Если визитатор встречал сопротивление, он обращался к властям. В результате непослушного настоятеля отправляли в Доминиканский монастырь в Несвиже, который был превращён в тюрьму для духовенства, а богослужение на русском языке проводил сам визитатор. Преемники высланного ксендза уже были обязаны вести службу на русском языке. Если таковых не находилось, костёл закрывался.

Вместе с Сенчиковским русификацией костёла активно занимались второй визитатор слуцкий декан Я.Юргевич и ксендз Макаревич, которой возглавлял Школу органистов. По-прежнему их деятельность поддерживал администратор П.Жилинский. Однако результаты не давали особого повода для радости.

В 1876–1877 гг. русскоязычное дополнительное богослужение происходило только в 10 костёлах Минской губернии³⁵. Причём прихожане зачастую игнорировали эти костёлы. Польскость в этот период на белорусских землях так сильно отождествлялась с католицизмом, что русскоязычные костёлы в сознании многих переставали восприниматься как католические.

1877 год стал переломным в судьбе реформы католического богослужения. Определяющую роль в этом сыграла позиция Ватикана. Продолжительное время эта позиция оставалась выжидательной. Возможно определённое значение имело то, что сторонниками перемен являлась часть духовенства. Но к середине 70-х гг. стало очевидно, что реформа осуществляется средствами насилия, а за действиями Сенчиковского и др. стоят политические интересы российских властей.

³⁴ Д. Чихачёв, *К вопросу о распоряжении ...*, с. 32.

³⁵ T.Ostoja, *Garść wspomnień...*, s. 56.

11 июля 1877 г. Ватикан наконец официально ответил на два вопроса, которые давно ставило духовенство: 1) Возможна ли без согласия Апостольской столицы замена польского языка русским в дополнительном богослужении? 2) Разрешает ли Апостольская столица введение русского языка? Ответы Ватикана были отрицательными.

Последствия вмешательства Ватикана были ощутимыми. В 1878 г. виленский генерал-губернатор Пётр Альбединский отмечал в своём отчёте, что на подчинённой ему территории отсутствуют костёлы с русскоязычным дополнительным богослужением³⁶. Генерал-губернатор видел два пути русификации костёла. Первый он связывал с развитием „народного образования в русском духе и на русском языке“, второй – с согласием Папы римского. Но Ватикан принял иное решение.

23 января 1878 г. администратор Виленской диоцезии получил письмо из Ватикана от кардинала Катерини. Римская курия обвиняла П.Жилинского в самовольном вступлении в руководство диоцезией, а также в попытках избавиться от лучших ксендзов и ввести в костёл русский язык. Рим требовал также ликвидации должностей визитаторов³⁷. В конце 1882 г. П.Жилинский выехал из России на т.н. „заграничный отдых“. Он посетил Ватикан, где отрёкся от прежних т.н. „ошибок“ и получил отпущение грехов.

Декрет Римской курии от 11 июля 1877 г. прервал активную деятельность Ф.Сенчиковского. В 1879 г. он переехал из Минска в Слуцк, а позднее занял должность Бобруйского декана и настоятеля. Похоже, что только в военной крепости он мог продолжать дело русификации. В 1883 г. Ф.Сенчиковский был командирован в Туркестан в качестве капелана.

Можно согласиться с оценкой, которую дал деятельности Ф.Сенчиковского религиозный деятель, белорусский политик и историк ксёндз Адам Станкевич (1892–1949): „Сенчиковский – послушное оружие русификации Беларуси в руках российского правительства. В значительной степени он – порождение трагедии своего времени“³⁸.

В 80-х гг. XIX в. большинство ксендзов отказалось использовать русский язык. „Литовские епархиальные ведомости“ в 1882 г. отмечали: „Сейчас из 32-х костёлов осталось только 2 (Бобруйский, что в крепости, где настоятелем ксёндз Сенчиковский, и Тимковичский в

³⁶ РНБ. ОР, ф. 16, д. 51, с. 25.

³⁷ Российский Государственный Исторический архив (РГИА), ф. 821, о. 3, д. 971, с. 46-47.

³⁸ A.Stankiewicz, *Rodnaja mowa ū swiatyniach*, Wilnia, 1929, s. 63.

Слуцком пов. ...). Из 45 ксендзов, которые давали подписку о богослужении на русском языке, только двое её и исполняют³⁹.

В начале 1883 г. даже сверхляпная польская петербургская газета „Край“ категорически заявляла, что каноническое право запрещает проводить литургию на языках, которые ранее не употреблялись в католическом богослужении⁴⁰. Она же отмечала, что введению польского языка предшествовала долгая и сложная процедура. Редакция „Края“ считала оскорблением заявления, что католическая религия является инструментом бунта и предательства. Отвергая обвинения в полонизации, газета сообщила, что на белорусских и литовских землях в 1883 г. один ксёндз приходился примерно на 2675 верующих, в то время как один батюшка – на 180 чел. Авторы „Края“ утверждали, что количество католического духовенства в Минской губ. уменьшилось со 185 чел. в 1863 г. до 138 в 1885 г.⁴¹

Только в этот момент православное духовенство перестало ощущать угрозу, которая исходила от процесса русификации костёла. 11 февраля 1882 г. архиепископ Литовский Александр в письме к министру внутренних дел настаивал на том, что введение русского языка в костёл является одним из важнейших мероприятий против „враждебных стремлений“ католицизма. Он считал, что на белорусских и литовских землях в дополнительном богослужении должен употребляться русский или литовский язык⁴². Тем не менее власти фактически отказались от продолжения политики языковой русификации костёла.

При заключении договора между Россией и Ватиканом в 1880 г. и его подтверждения в 1882 г. вопрос о русскоязычном богослужении остался открытым, а после замещения епископских должностей в России снят с повестки дня. По сведениям Д. Чихачёва, в 1888 г. директор Департамента иностранных вероисповеданий в разговоре со сторонником „располячения“ костёла заявил: „Мы не собираемся продолжать это дело как небезопасное, бессмысленное и неосуществимое“⁴³. Однако власти ещё не раз возвращались к этой идее.

В отделе рукописей библиотеки Католического университета в Люблине сохранилась копия официальной справки о финансовых расходах на введение русского языка в богослужение. Всего с 1869 по

³⁹ Цьгт. па: *Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.)*., с. 90.

⁴⁰ *Kraj*, 1883, № 18.

⁴¹ Там же, 1883, № 29.

⁴² Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, о. 2, д. 2061, с. 14–14 об.

⁴³ Д. Чихачёв, *К вопросу о располячении ...*, с. 38.

1896 г. ксендзам за проведение русскоязычного богослужения было выплачено 242 тыс. руб. Рекордсменом оказался ксёндз Игнацы Гертович, который получил более 7 тыс.руб. Министр внутренних дел, который представил эту информацию Николаю II, попробовал вернуться к проблеме русскоязычного богослужения (1896). Он предложил не разрешать польскоязычное богослужение там, где 25 лет назад проповеди произносились по-русски. В случае несогласия настоятеля на использование русского языка дополнительное богослужение должно было происходить на латинском. Император поддержал предложение⁴⁴. Но практических результатов эта поддержка не имела.

В 1897 г. власти попытались использовать в своих интересах предложение Могилёвского архиепископа Симона о переводе католического богослужения на белорусский язык в местностях, населённых белорусами. Виленский губернатор Трубецкой переслал это предложение в Санкт-Петербург. Начались переговоры с Римской курией. В результате архиепископ получил письмо от кардинала Рамполи (8 мая 1897 г.), в котором разрешалось использовать в дополнительном богослужении и проповедях белорусский язык там, где на нём разговаривают прихожане⁴⁵. Однако это разрешение так и не было использовано. Главной причиной стало стремление властей под видом белорусского ввести русский язык. Попытки архиепископа отстоять белорусский язык закончились его высылкой в Одессу.

Попытки замены польского богослужения наблюдались и в начале 20 в. В марте 1905 г. виленский генерал-губернатор А.Фрезе обратился к министру внутренних дел с предложением введения дополнительного богослужения в костёлах на белорусском языке⁴⁶. Центральные власти не отреагировали. Но массовый переход из православия в католицизм, который последовал за Указом от 17 апреля 1905 г., заставил их вернуться к этому предложению. И летом 1905 г. православный епископ Михаил предложил в костёлах Минского, Бобруйского, Новогрудского, Слуцкого, Игуменского и Борисовского пов. перевести богослужение на белорусский язык, а в костёлах Пинского, Мозырского и Речицкого пов. – на украинский, чтобы „оторвать“ белорусских и украинских католиков от поляков“⁴⁷.

⁴⁴ Библиотека Католического университета в Люблине. Отдел рукописей. Rkp. 761, а. 108–109.

⁴⁵ L. Wasilewski, *Litwa i Białoruś*, Kraków, 1914, s. 289.

⁴⁶ ЛГИА. Ф. 378, о/о 1906, д. 4112, с. 4.

⁴⁷ Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НГАБ у Менску), ф. 295, в. 1, ад.з. 7597, а. 20 адв.

В 1906 г. о „располячении“ костёла заговорил глава правительства Пётр Столыпин. В его переписке с виленским генерал-губернатором также стала фигурировать проблема белорусскоязычного богослужения в костёлах⁴⁸. Однако на самом деле белорусский язык для П. Столыпина всегда оставался только „мужицким диалектом“ русского языка. Серьёзных последствий эти заявления не имели. Во-первых, никто не отменял Указа от 17 апреля 1905 г., который давал католическому духовенству определённую свободу действий. Во-вторых, вновь своё негативное отношение к введению русского языка в костёл высказал Ватикан. А вот как отреагировала на очередные заявления российских властей о необходимости борьбы против полонизации белорусов „Наша Ніва“, главный печатный орган белорусского Возрождения: „Беларускі народ хоча вызваліцца ад пальшчызны, але не на тое, каб папасці пад вашу апеку. Ён праспаўшы сотні гадоў пад панаваннем польскай культуры, хоча цяпер быць самім сабой... Каб распалячыць касцёл, трэба дапамагчы беларусам завесці ў ім родную беларускую мову і не заводзіць расейскай“⁴⁹.

BANDYMAI ĮVESTI RUSŲ KALBĄ KATALIKŲ PAMALDOSE
MINSKO IR VILNIAUS VYSKUPIJOSE XIX A. SEPTINTAJAME
IR AŠTUNTAJAME DEŠIMTMEČIUOSE

Santrauka

Po 1863–1864 m. sukilimo numalšinimo vienas iš svarbiausių būdų „depolonizuoti“ Katalikų Bažnyčią Vilniaus ir Minsko vyskupijose turėjo būti įvestas rusų kalbos vartojimas pridėtinėse pamaldose. Ši problema buvo plačiai svarstoma spaudoje ir galop imtasi konkrečių žingsnių. 1869 m. gruodžio 25 d. pasirodė imperatoriaus Aleksandro II įsakas, leidžiantis vartoti rusų kalbą katalikų pamaldose.

Įgyvendindama šias nuostatas, valdžia bandė tam reikalui panaudoti katalikų dvasininkus. Reikia pasakyti, kad iš dalies jai tai pavyko. Pirmasis pakluso Vilniaus vyskupijos administratorius prelatas Petras Žilinskis. Nuo jo neatsiliko Vilniaus kunigų seminarijos rektorius Eduardas Tupalskis ir prelatas Antanas Nemeška. Tačiau labiausiai šiuo požiūriu išsiskyrė kun. Ferdinandas Senčikovskis – jis pirmasis 1868 m. gegužės mėn. Minske pasakė pamokslą rusų kalba. Šis kunigas XIX a. aštuntajame dešimtmetyje itin išplėtė pastoracinę veiklą (buvo Minsko dekanas, 1876 m. paskirtas Minsko gub. bažnyčių vizitatoriumi). Minske netgi įsteigė vargonininkų mokyklą, kur mokė giedoti psalmes ir giesmes rusų kalba. Minsko gubernijoje aštuntojo dešimtmečio pradžioje iš 52 bažnyčių 32 ar 38 bažnyčiose per pridė-

⁴⁸ ЛГИА, ф. 378, о/о 1906, д. 4112, с. 5-10.

⁴⁹ *Наша Ніва*, 1911, № 20.

tines pamaldas buvo vartojama rusų kalba, kartais baltarusių kalba. Kun. F.Senčikovskis baltarusių kalbą laikė rusų kalbos dialektu.

Toks rusų kalbos įvedimas pamaldose sulaukė kunigų pasipriešinimo. 1870 m. kovo mėn. Vilniaus dekanas Šv. Rapolo bažnyčios klebonas Stanislovas Petravičius viešai per pamaldas sudegino apeigyną rusų kalba ir prakeikė tuos, kurie prisidės prie katalikų pamaldų rusifikavimo. Priešinosi ne tik kunigai. Prieš rusų kalbos vartojimą pasisakoma rusų spaudoje; atvirai priešinosi ir tikintieji – buvo atvejų, kai parapijiečiai sumušdavo kunigą po rusiškų pamaldų. Rusų kalbą vartoti pamaldose draudė popiežius. 1876–1877 m. Minsko gubernijoje rusų kalba pridėtinėse pamaldose buvo vartojama 10 bažnyčių. Po 1877 m. birželio 11 d. Vatikano nutarimo, draudžiančio vartoti rusų kalbą pridėtinėse pamaldose, ilgainiui ši kalba visiškai išnyko iš pamaldų bažnyčiose. Tiesa, XIX a. pačioje pabaigoje ir XX a. pradžioje valdžia bandė bažnyčiose atgaivinti minėtąją praktiką, tam netgi mėgino įvesti baltarusių kalbą, nes 1897 m. iš Vatikano buvo gautas leidimas baltarusių kalbą vartoti pridėtinėse pamaldose. Tačiau tai nepavyko padaryti.

THE ATTEMPTS TO INTRODUCE THE RUSSIAN LANGUAGE IN CATHOLIC CHURCH SERVICES IN THE MINSK AND VILNIUS DIOCESES IN THE 1860s AND 1870s

Summary

After the suppression of the uprising of 1863–1864 one of the most important ways “to depolonize” the Catholic Church in the Vilnius and Minsk dioceses was to introduce the use of the Russian language in additional church services. This problem was widely discussed in the press and finally concrete steps were taken. On 25 December 1869 Tsar Alexander II issued a decree which allowed the use of the Russian language in Catholic church services.

In implementing these regulations, the authorities tried to use the Catholic clergy for this matter. It has to be admitted that they were partially successful. The first to obey was the administrator of the Vilnius diocese prelate Petras Žilinskas. The Rector of the Vilnius Theological Seminary Eduardas Tupalskis and prelate Antanas Nemekša kept up with him. However, the most distinguished advocate was the Rev. Ferdinandas Senčikovskis – he was the first to preach a sermon in Russian in Minsk in May 1868. This priest extremely extended his pastoral activity (he was the dean of Minsk, appointed in 1876 as the church inspector in the Minsk province). He even established in Minsk a school for organists, where the singing of psalms and hymns in Russian was taught. In the Minsk province at the beginning of the 1870s the Russian language, or sometimes the Byelorussian language, were used during additional church services in 32 or 38 out of 52 churches. Senčikovskis considered Byelorussian as a dialect of Russian.

Such an introduction of the Russian language in church services encountered the resistance of priests. In March 1870 Vilnius dean and pastor of the St. Raphael

Church Stanislovas Petravičius publicly burned a ceremony book in Russian during a church service and condemned those who would assist in the Russification of Catholic Masses. Priests were not the only ones to resist. There were statements against the Russian language in the Russian press; believers also resisted openly – there were instances when parishioners assaulted a priest after a church service in Russian. The Pope forbade the use of Russian during Masses. In 1876–1877 Russian was used in church services in 10 churches of the Minsk province. After the decree of the Vatican of 11 June 1877, which forbade the use of Russian in additional Masses, the language eventually completely disappeared from Masses in churches. However, at the very end of the XIX century and the beginning of the XX century the authorities tried to revive the mentioned practice and even tried to introduce the Byelorussian language because in 1897 permission was received from the Vatican to use Byelorussian in additional Masses. However, this did not work out.